

«Между» теорией и практикой: замысел психоанализа

Чистой мысли свойственно преодолевать саму себя и оказываться в пространстве социальных взаимодействий. Этот трансгрессивный опыт мысли, с одной стороны, позитивен – мысль ищет себя в отношениях с не-мыслью, со своим иным, но с другой стороны, он же и «загрязняет» мысль: она перестает быть чистой, так как становится практически ориентированной, вплетается в социальность, вступает во властные отношения. Вполне возможно, что в данном случае речь идет обо всем знакомой проблеме взаимоотношения теории и практики в науке или философии (в том случае, если последняя способна обнаружить основание быть практической), но возможно ли поставить такую же проблему в так называемых пограничных областях исследования? Там, где мысль и не-мысль существует в зоне неразличимости, между «там» и «тут»?

Мы ведем речь о психоанализе, пораженном «парадоксом места без места», ведь только «преодолевая собственное сопротивление, психоанализ пытается очертить свои пределы. Это – дисциплина без места, находящаяся в непрерывном номадическом движении в поисках своего места, места невозможного собственного» [1]. Этот кочующий по своей природе, но ставший оседлым благодаря практикам институционализации анализ с самого начала своего возникновения не мог определиться с тем, носить ли ему исключительно эмпирический характер, дабы не превратиться в очередную метафизическую систему, или же двигаться по направлению к статусу метapsихологии, так как из-за апостериорных размышлений было легко принять частный социальный запрет за всеобщую биологическую необходимость.

Такую нерешительность не получится вменить в вину лично создателю психоанализа, у нее другие истоки – в самой идее возможности построения теории в отрыве от реальной социальной практики и осуществления практики

(излечения пациентов) «по ту сторону» любой теории. Грандиозный замысел, уязвимость для критики которого не оставляет сомнений: тут атакует и идея зависимости создания «якобы чистых» теорий от реальных условий социума (К. Маркс, Т. Кун, Р. Мертон), и идея первичности мировоззренческой парадигмы по отношению к «казалось бы реально наблюдаемым» фактам (А. Койре, М. Фуко), да и сугубо обыденное мнение о том, что теория без ее практического применения ничего не стоит.

По задумке З. Фрейда психоанализ должен был вписаться в ряд научных дисциплин, черпающих вдохновение именно из эмпирического материала: «Как только начинаешь отдаляться от материала, из которого приходится исходить, сейчас же подвергаешься опасности опьянеть от собственных взглядов и даже отстаивать мнения, которым противоречит всякое наблюдение» [2]. Классическое понимание истины как соответствия знания реальности и приверженность естественно-научным методам исследования заставляли Фрейда искать в устройстве психического аппарата человека такие базовые элементы, наличие которых мог бы подтвердить любой желающий, усомнившийся в их действительном существовании.

Но единственное эмпирическое доказательство, которое способен предоставить психоанализ – некий факт наличия заболевания, невроза, который ощущается больным как нечто чужеродное ему самому, а для врача проявляется в виде совокупности симптомов – знаков отличия поведения индивида от принятой в данном обществе нормы. Неврозы в клинических историях Фрейда всегда носили исключительно поведенческий характер. Выходящие за рамки нормального поведения действия маркировались как невроз, однако считавшаяся в Европе к. XIX – н. XX вв. нормальной сексуальность, связанная исключительно с функцией продолжения рода, получала в психоанализе статус слишком узкой, так как такое понимание противоречило реальной жизни людей и исходило из социальных заблуждений: «Мы расширили понятие сексуальности лишь настолько, чтобы оно могло включить сексуальную жизнь извращенных и детей. Это значит, что мы

возвратили ему его правильный объем. То, что называют сексуальностью вне психоанализа, относится только к ограниченной сексуальной жизни, служащей продолжению рода и называемой нормальной» [3].

Балансировать на грани между социально навязанными идеями и иллюзиями культуры, которые необходимо подвергнуть критическому анализу, тем самым сняв с них пелену трансцендентности и показав их человеческое происхождение, и определениями болезни (биологически обусловленной реальности), вытекающими из «нарушения» социально установленного порядка. Уйти от социальной практики и построить «чистую», не замутненную стереотипами, теорию, что в то же время равнозначно тому, чтобы погрузиться в самую толщу социальности и заняться ее бесперебойным производством, обеспечивая непрерывность функционирования общества за счет его теоретического обоснования. Таков был замысел проекта ортодоксального психоанализа, расположившегося «между» классическим пониманием взаимоотношения теории и практики; «между» – это там, которому нельзя указать ни на какое «там», т. е. ни на какое место вообще.

Литература

1. *Мазин В.* Субъект Фрейда и Деррида. СПб., 2010. С. 14.
2. *Фрейд З.* Сновидения. Избранные лекции. М., 1991. С. 76.
3. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991. С. 203.